

мо государя с сомкнутыми устами (*В*, л. 246 об., стк. 17—19. Ср. л. 246, стк. 19—20, л. 246 об., стк. 25—26).

Принципы императорской деятельности очерчены весьма абстрактно: это милосердие и мужество — два противостоящих друг другу блага, которыми государь, словно двумя руками, поддерживает империю ромеев (*Речи*, стр. 29. 24—27). О мужестве и мягкости как основных свойствах самодержца Хрисоверг говорит и в другой речи (*В*, л. 246 об., стк 1). Из императорских добродетелей он охотно прославляет щедрость: обоюдоострый меч государя не приносит ему тех успехов, как пурпур жалованных грамот, запросто уничтожающий позорную бедность (*Речи*, стр. 30. 15—22).

Император для Хрисоверга — источник всякой власти. В речи к Месопотамиту он прямо провозглашает, что только рука самодержца придает человеку значительность. Он сравнивает достойного человека, не находящегося на царской службе, с драгоценным камнем, скрытым от взоров — это потаенное благо, не ставшее явным блистание, вещь, устремленная сама на себя. Лишь поднятый и вправленный в царский венец камень становится видным издалека (*Э*, л. 284; *В*, л. 261). Соответственно — верность императору объявляется высшей добродетелью подданного, Хрисоверг подробно рассуждает об этой доблести: она не должна быть лишь наружной верностью слуги, затрагивающей только телесные функции, но оставляющей безразличной душу (*Э*, л. 284 об.; *В*, л. 261 об.); верность должна стать внутренним и высшим свойством, подобным любви, которую испытывает господь или боголюбивый император (*Э*, л. 284 об.; *В*, л. 262).

Византийский господствующий класс на рубеже XII—XIII вв. пытался приспособить к своим потребностям западное учение о *fides*, вассальной верности. Традиционное право на переворот, на узурпацию стало казаться обременительным, и современник Хрисоверга, Никита Хониат, с горечью писал о ромеях, постоянно злоумышляющих против своих государей, тогда как латиняне сохраняют верность даже попавшему в плен королю (*Nic. Chon.*, p. 847. 8—14. Ср. еще p. 305. 1—4; p. 746. 12—13). Кекавмен в XI в. советовал сохранять верность императору, ибо правящий в Константинополе побеждает бунтовщиков<sup>22</sup>; верность Кекавмена была той наружной, «телесной» верностью слуги, которая для Хрисоверга уже оказывалась недостаточной — между государем и подданным, полагал он, должны установиться интимные религиозно-мистические отношения, основанные на внутреннем чувстве.

Наряду с позитивными понятиями «самодержавие», «царская власть» Хрисоверг использует и негативное понятие «тирания». Но в отличие от античной традиции тирания у Хрисоверга — не выродившаяся царская власть (*Arist. Polit.* III, 5. 4), а незаконная власть узурпатора: в противоположность Алексею III, василевсу, Иоанн Комнин — тиран, а его мятеж — тираническая затея (*Речи*, стр. 1. 20—22). В соответствии с византийским пониманием тирании Хрисоверг переосмысляет роль «тираноубийц» Гармония и Аристогитона: обращаясь к военачальнику Алексея III, подавившему мятеж Иоанна Комнина, он восклицает: «И ты удостоишься славы Гармония и Аристогитона, которые собственноручно подавили тираническую затею и были почтены и возвеличены тем, что им воздвигли общественные изображения» (*Речи*, стр. 4. 26—29). Под пером византийского ратора царубийцы превращаются в подавителей мятежа!

Этой политической концепции соответствуют и социальные воззрения Хрисоверга. Он не закрывает глаза на то, что судьба протягивает людям разные или, как он говорит, «неравные» руки: одним десницу со щедрыми дарами, другим шуйцу с ничтожными подарками, а то и вовсе пустую (*В*, л. 249 об., стк. 20—24). Простонародье не вызывает его сочувствия:

<sup>22</sup> W. Wassiljewsky, V. Jernstedt. *Cecaumeni Strategicon.*— Зап. истор.-филол. фак. СПб. унив., 38, 1896, стр. 73.26—28; 74.2—3.